

А. В. Левченков, М. Г. Румянцева

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ СИСТЕМ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ

Рассматриваются современные направления изучения систем сельского расселения; делается обзор современных научных направлений исследований и процессов, происходящих в сельской местности; выделяются факторы, влияющие на расселение.

This article analyses contemporary lines of research on the rural population distribution systems and offers a review of the contemporary process in rural areas. The factors affecting the population distribution are identified by the authors.

Ключевые слова: география населения, система сельского расселения, демография, территориальное планирование.

Key words: human geography, rural population distribution system, demography, spatial planning.

Современные тенденции и проблемы систем сельского расселения России представляют, на наш взгляд, в настоящее время одно из важных направлений предмета географии населения. Определяется это, в частности, тем, что структурные проблемы сельских территорий России и зарубежных стран, как это показывает анализ исследований, обострились еще больше.

Среди работ по географии населения большинство составляют те, в которых результируются происходящие изменения в отдельных региональных системах сельского расселения: например, современной динамике сельского расселения в Европейской России, Республике Алтай и на Среднем Урале посвящены работы [2; 4; 6]. Уделяется внимание и такой важной теме, как происходящие изменения в территориальной организации сферы обслуживания сельской местности [5]. В то же время при изучении современных процессов взаимодействия города и села был выявлен такой процесс, как административная «рурализация» [1], когда поселки городского типа в массовом порядке переводились в сельские поселения по решению местных администраций¹.

Новым направлением изучения систем расселения стал историко-эволюционный метод исследования. Так, Лухманов исследовал общую эволюцию сельского расселения в Европейской России в XX в. [3]. Более детальный эволюционный анализ системы расселения центра европейской части России провел Худяев [9].

Концепциями социальной географии сельского хозяйства, тенденциями усиления поляризации внегородского пространства, разработкой новых подходов к районированию сельского хозяйства (с учетом его многоукладности) и к типологии сельской местности активно занимается Нефёдова [7]. Но в то же время не хватает обобщающих исследований, которые бы представили некоторую общую для всех систем сельского расселения гипотезу и на основе ее проверки выдвинули бы теорию. Из такого рода исследований можно выделить докторскую диссертацию Л. П. Фукс по разработке принципов управления расселением на примере регионов (в его случае — южной части Сибири) с учетом внутренних закономерностей их эволюции для повышения эффективности территориального управления [8].

Таким образом, дальнейшее изучение проблем развития сельской местности в целом и конкретно систем сельского расселения, разработка перспективных моделей и стратегий стали в настоящее время актуальными в географической науке и определяются, в частности, тем, что структурные проблемы сельских территорий России, как это показывают современные исследования, обострились еще больше.

Можно выделить группу факторов, влияющих на современную систему расселения:

- общие черты современной демографической ситуации;
- миграционная составляющая;
- введение частной собственности на землю;
- реорганизация социальной сферы.

Влияние этих факторов неравнозначно. Наиболее существенным следствием всех происходивших в последние десятилетия структурных и пространственных изменений в размещении сельского населения стало то, что на значительной части территории России единое

¹ В Калининградской области подобный пример — г. Приморск.

поле сельского расселения практически перестало существовать². Оно распалось на две части, резко отличающиеся одна от другой в демографическом и экономическом отношении и по культурно-бытовым характеристикам. Первая, относительно жизнеспособная часть представлена населенными пунктами, сохраняющими хозяйственно-организующие, производственные и социально-обслуживающие функции, и чем разнообразнее эти функции, тем устойчивее положение самого поселения в местной системе расселения. Вторая, деградирующая часть сельского расселения — это «вспомогательные» поселения, потерявшие или теряющие какие-либо возможности демографического, экономического и социального развития. Из-за разрыва связей между двумя частями на периферии систем расселения формируется «ничейная» сеть мелких «неперспективных» поселений, отмирание которых формально возвращает рисунок и структуру расселения к ее изначальному состоянию (на уровень конца XIX — начала XX в.). Одно из следствий данного процесса — дифференциация поселений по потенциальным возможностям выживания и развития. Она хорошо заметна при сопоставлении центральных и периферийных ареалов расселения на всех территориальных уровнях: на уровне областей — между пригородными зонами областных центров и периферийными районами, на уровне районов — между прицентровыми и периферийными низовыми системами поселений, внутри них — между центральными и вспомогательными («рядовыми») поселениями [1].

Из выделяемых современными исследователями трех пространственных типов сельского расселения к территории первого типа относятся регионы, где сильнее всего (и раньше всего) депопуляционные и деструктивные процессы проявились в районах с наибольшей долей мельчайших деревень; субрегионы, где привлекательность городов как мест приложения труда была особенно велика, и в ареалах с самым неудачным географическим положением, например на периферии межстоличного региона (в Новгородской и Тверской областях) и в зонах влияния бурно развивающихся промышленных центров (в Прикамье, на Урале). На территориях такого типа среднее звено расселения уже настолько размыто, что практически осталось только два вида поселений, резко различающихся между собой по качеству населения: немногочисленные крупные села и масса мелких деревень с числом жителей, не превышающим, как правило, 20–25 человек. Первые, в развитие которых в свое время были вложены немалые средства, пока еще способны функционировать в качестве опорных точек социального и хозяйственного развития территории; судьба вторых вряд ли может повернуться к лучшему, если не изменятся условия их существования.

Второй тип территории образован ареалами расселения с достаточно четким преобладанием средних (по числу жителей) для данной местности населенных пунктов. В отношении этих регионов нельзя говорить о массовом исчезновении поселений. Здесь сохраняется общая устойчивость расселения, велика доля населенных пунктов, которые имеют функции сельскохозяйственного центра либо, будучи несельскохозяйственными, являются опорными точками освоения и эксплуатации несельскохозяйственных ресурсов территории (включая и необходимую для этого инфраструктуру). Однако генеральная тенденция последних лет такова, что и здесь возможна потеря структурной устойчивости, переход к концентрации жителей в крупных сельских поселениях при общем уменьшении численности населения, что уже произошло в ряде местностей Черноземного центра страны, в Поволжье, Южном Предуралье.

Третий тип эволюции свойственен изначально крупноселенным регионам. Структура расселения здесь всегда была более дифференцированной (поляризованной), чем в мелкоселенных и среднеселенных местностях. Относительно немногочисленные мелкие сельскохозяйственные поселения, возникающие большей частью как сезонно обитаемые или «отраслевые» филиалы основных мест расселения, всегда остро реагировали на различные общие и местные изменения экономической, социальной и политической ситуации. Небольшая их часть по мере освоения территории улучшила свое географическое положение и превратилась в довольно крупные поселения, другие, особенно на ближней периферии старожильческих крупных сел, по мере развития межселенных транспортных связей и изменения структуры землепользования, просуществовав какое-то время как постоянно обитаемые, прошли обратный путь — превратились в сезонно обитаемые, а впоследствии большей частью исчезли.

При достаточно устойчивой зональности основных характеристик расселения (плотности населения, густоты расселения, средней людности сельских поселений, форм их взаимного

² За последние 20 лет в России исчезло около 23 тыс. населенных пунктов, из них около 20 тыс. — это сельские поселения. Как считают исследователи, это, с одной стороны, естественный процесс, связанный с урбанизацией и формированием крупных городских агломераций, с другой — множество сел обезлюдело именно из-за кризиса.

расположения) внутри каждой зоны главным признаком расселенческой структуры стало ее кольцевое строение как отражение наиболее существенных пространственных изменений по градиенту «центр – периферия».

Для большего числа сельских районов характерен иной вариант изменений, выраженный в депопуляции. Депопуляция деформировала типичные формы и структуры расселения: интенсивный миграционный отток сопровождался почти повсеместным изменением сети сельских поселений и исчезновением значительной их части. Депопуляция затронула (правда, в разной степени) и малые, и средние, и крупные сельские поселения. Более того, начавшись в сельской местности, сегодня она захватила и малые российские города.

В результате депопуляции во многих регионах при почти неизменной сетке низового административного деления постоянно вырастает доля первичных систем расселения с небольшой численностью, являющихся и первичными микрорайонами обслуживания населения. Это ставит на первое место проблемы реорганизации всех систем обслуживания, и особенно сетей школ и медицинских учреждений, требующих определенного минимума клиентуры для удовлетворительного функционирования.

Низовые системы расселения справедливо считаются базой для территориальной организации социальной инфраструктуры, особенно таких ее видов, как системы общеобразовательных учебных заведений и медицинских учреждений широкого профиля. Они по определению имеют центральное положение, в той или иной мере развитые межселенные (внутрисистемные) связи, сложившуюся и (обычно) принятую жителями «качественную» иерархию – то, что создает хотя бы минимальный комплекс необходимых предпосылок для выбора мест размещения низовых территориальных социальных (обслуживающих) систем.

Этот выбор во многом зависит от двух параметров низовых территориальных систем расселения: количества населения в них (т.е. минимальной численности потенциальной «клиентуры») и количества населенных пунктов, характеризующих сложность построения территориальной системы обслуживания.

Из года в год на протяжении последних десятилетий не только в малоселенных, но и в среднеселенных областях количество малонаселенных низовых систем расселения увеличивалось, а количество средне- и многонаселенных уменьшалось. Приведем только один пример: на большей части территории европейской России (практически во всей ее центральной части) организация системы школ и медицинских учреждений по принципу «у каждой системы расселения своя система обслуживания» не работает; низовые системы расселения во многих случаях надо объединять (конечно, учитывая их реальные взаимосвязи), а это требует очень тщательного и многостороннего выявления действительно («на местности») существующих агломерированных территориальных систем или, при их отсутствии, поиска способов и форм создания таких систем. Значительные сокращения количества поселений в низовых системах расселения, возможно, облегчают задачу формирования систем обслуживания, однако усложняют ее резкое уменьшение численности низовых систем расселения, сопровождающееся ухудшением возрастной и семейной структуры населения.

Произошло изменение структуры занятости сельского населения. Кризис значительно уменьшил аграрную занятость в сельскохозяйственных предприятиях. Кризисная ситуация в экономике не только вызвала значительное усиление роли семейного хозяйства в жизнеобеспечении сельских жителей, но и одновременно привела к расширению неаграрной сферы применения трудовых ресурсов села. Новые виды деятельности, вовлечение в рыночные отношения, с одной стороны, оказали модернизирующее воздействие на образ жизни сельского населения, а с другой – появление большого числа вынужденно неполно занятых людей, потерявших прежний социальный статус и не способных приобрести новый, ведет к маргинализации и люмпенизации села, появлению «новых бедных». Каково соотношение этих процессов (модернизации, маргинализации и люмпенизации) и других, не попавших в круг нашего рассмотрения, – еще предстоит выяснить. Пока же определенно можно сказать, что их соотношение неодинаково в сельских местностях с различным географическим положением. В пригородных зонах и вдоль автомагистралей гораздо выше доля позитивных процессов, в глубинке же деревня «дичает» и нищает.

В начале XXI в. стали возникать новые явления в сельской местности. Так, в процессе глобализации (для западноевропейских стран) и трансформации (для бывших социалистических государств) внутри регионов возникли подрайоны, которые управляются по-разному, т.е. регионы перестали быть гомогенными [11]. К прочим факторам можно отнести появление у населения новых требований к качеству жизни, его возросшую мобильность и т.п. В то же время

многие как отечественные, так и зарубежные исследователи считают, что актуальные трансформационные процессы, происходящие в системе сельского расселения, связаны прежде всего с воздействием демографических изменений и снижением числа рабочих мест в сельской местности [12].

Сельские поселения теряют как своих жителей, так и элементы прежней социальной инфраструктуры. Последние исчезают и по причине проводимых реформ систем здравоохранения и образования, которые связаны с переходом на подушевое финансирование больниц и школ. Таким образом, при выборе центральных мест (центров обслуживания) с их главными элементами инфраструктуры, снабжения (как материального, так и культурного) и субъектами (население с его показателями: естественный и механический прирост/убыль, уровни занятости/безработицы, доходов) необходима детальная проработка при планировании систем сельского расселения. В данном случае мог бы быть полезен зарубежный опыт, например Германии [10; 12]. То есть необходимо определить место системы сельского расселения, а также интересы сельской местности в территориальном планировании.

Прежние принципы, основанные на связи расселения с характером землепользования, в настоящее время в полной мере не работают. Землепользование как таковое при современных условиях довольно независимо от наличествующей структуры сельского расселения³: можно жить в любом месте и управлять землепользованием на расстоянии. Особенно это касается крупных сельскохозяйственных предприятий или частных инвесторов, которые управляют своей землей через наемный персонал.

Исходными предпосылками возможных перспективных стратегий выступают в настоящее время функции сельской местности. Необходимо более глубоко и детально исследовать, какие факторы влияют на современные функции села (политические, экономические, обеспечение потребностей населения и т.п.). В зависимости от наличия и роли тех или иных факторов различается их воздействие на структуру сельской местности и, как следствие, на принципы разработки и принятия конкретных, регионально дифференцированных стратегий развития, которые в рамках перспективного пространственного планирования станут определять облик системы сельского расселения в будущем.

Суммируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что современные направления изучения систем сельского расселения должны быть направлены как на исследование отдельных процессов в системе сельского расселения (например, изучение некоторых изменяющихся функций, в частности *селитебности*; прогнозы развития системы расселения на основе изменений в муниципальном самоуправлении — введение понятия «сельское поселение»; определение центров обслуживания), так и на выработку общей для всех систем сельского расселения гипотез и теорий, несмотря на нарастающие территориальные различия между отдельными региональными системами расселения.

Список литературы

1. Алексеев А.И., Зубаревич Н.В. Кризис урбанизации и сельская местность России // Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 1990-е гг. / под ред. Ж.А. Зайончковской. М., 1999. С. 83—94.
2. Казьмин М.А., Чернышева Е.А. Современная динамика сельского расселения Европейской России // Региональные исследования. 2006. №10. С. 65—76.
3. Лухманов Д.Н. Эволюция сельского расселения в Европейской России в XX веке // Город и деревня Европейской России: 100 лет перемен. М., 2001. С. 225—277.
4. Мазур Л.Н. Сельское расселение на Среднем Урале в XX в.: направления и варианты трансформации поселенческой сети: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Екатеринбург, 2006.
5. Менищикова Л.В., Завьялова О.Г. Трансформация сферы услуг сельского расселения Курганской области. Курган, 2009.
6. Мердешева Е.В. Трансформация системы сельского расселения Республики Алтай в конце XX — начале XXI веков: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Барнаул, 2008.
7. Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье: географические очерки. М., 2003.
8. Фукс Л.П. Расселение в Западной Сибири: самоорганизация и управление. Итоги и проблемы. Новосибирск, 2003.
9. Худяев И.А. Эволюционный анализ системы расселения Центра европейской части России // Экология урбанизированных территорий. 2009. №1. С. 11—18.

³ В первую очередь это характерно для Германии, но и в России во многих регионах наблюдается такая тенденция.

10. *Neue* Leitbilder der Raumentwicklung in Deutschland / Bundesamt für Bauwesen und Raumordnung. 2006. Heft 11/12.

11. *Weber G.* Globalisierung und ländlicher Raum – eine spannungsgeladene Beziehung // *Ländlicher Raum*. 2002. Heft 3. S. 3–13.

12. *Wirth P.* Zukunftsorientierte Entwicklungsstrategien im ländlichen Raum der neuen Bundesländer // *ProRegio*. 1997. N 20–21. S.53–57.

Об авторах

Андрей Викторович Левченков – канд. геогр. наук, доц., Российский государственный университет им. И. Канта, e-mail: levchenkov5@gmail.com

Маргарита Георгиевна Румянцева – канд. геогр. наук, доц., Российский государственный университет им. И. Канта.

Authors

Dr. Andrei Levchenkov, Associate Professor, IKSUR, e-mail: levchenkov5@gmail.com

Dr. Margarita Rumyantseva, Associate Professor, IKSUR.